

З.Т. Абетова
Ф.Д. Жумаханова

Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан,
(E-mail: abetova.zeinep@gmail.com, fadik1637@mail.ru)

Нарратив советской индустриализации в контексте для конструирования политических дискурсов: музейная коммеморация (кейсы Карагандинского краеведческого музея и Карлага)

Аннотация. Статья представляет результат исследования региональных музеев советского индустриального Казахстана как среды артикуляции советского нарратива индустриализации.

Научная и прикладная значимость работы заключается в создании инструментария, рассматривающего вопросы исследования идеологических дискурсов в контексте репрезентации его в музейных нарративах, внесших вклад как политические и моральные учреждения в конструирование «воспоминаний о прошлом», анализ субъективного аспекта процесса конструирования политических дискурсов.

В данной статье освещен опыт концептуализации институционального советского политического дискурса посредством артикуляции «смыслов» советской индустриализации, транслированный в мемориальной памяти в казахстанских региональных музеях. Данное исследование может быть интересно для специалистов в растущей области исследований памяти и постколониальной парадигмы.

Ключевые слова: советская индустриализация, институциональный дискурс, коллективная память, музейная коммеморация.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2022-139-2-389-403>

Введение

Цель исследования - концептуализация институционального советского политического дискурса посредством артикуляции «смыслов» советской индустриализации, транслированный в мемориальной памяти в казахстанских региональных музеях.

Сегодня в исследовательской практике и общественном сознании тема изучения мемориальной памяти и политико-исторических нарративов актуальна в исследовательском поле и общественном сознании. Исторический нарратив как составная часть культуры

– это ресурс для конструирования политических дискурсов, реализуемых инструментально в тех или иных целях.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения методологических инструментариев в исследовании проблематики мемориальной памяти и политико-исторических нарративов.

Новизна исследования заключается в применении дискурсивной исследовательской стратегии к объекту исследования на основе эмпирического визуального анализа музейных экспонатов, демонстрировавших нарратив советской индустриализации. Объект ис-

следования – музейные экспонаты нарратива советской индустриализации как трансляторы определенного идеологического текста.

Теоретическая основа

В конце 1920-х годов Сталин разработал плановую командную экономику с целью превратить Советский Союз в промышленно развитое государство, способное эффективно конкурировать с капиталистическим миром. Одной из стратегических мер для достижения этой цели была индустриализация «сверху». В этот период быстрой индустриализации в Советском Союзе (1927-1941 гг.) в Казахстане были созданы десятки заводов, построены индустриальные центры с опорой на крупнейшие исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа при сталинском режиме [1].

Региональные музеи советского индустриального Казахстана отражают исторический нарратив этих событий и на основе исследовательской концептуализации данного аспекта мы можем провести анализ артикуляции «смыслов» советской индустриализации, транслированный в мемориальной памяти в казахстанских региональных музеях города Караганды.

Метафоры, которые используются социологами для познания социальной памяти, и концептуальная оптика определяют, какие характеристики объекты станут видимы для исследователей. Методологической основой данного исследования стали работы авторов, в которой сформулированы концепты «коллективной памяти», ее формы, функции, социальные последствия. Они позволили концептуализировать музейно-мемориальный опыт как социальный текст и актуализировать его для изучения содержания советской индустриализации в региональных музеях страны.

Теоретическую основу исследования составили концепты «коллективной памяти» М. Хальбвакса, «мест памяти» П.Нора как конструкторов, формирующих актуальные маркеры коллективной идентичности, концепт социального пространства П. Бурдьё как поля борьбы за символический капитал.

Рассматривая вопросы создания и реконструкции памяти, Хальбвакс ориентирует исследовать рамки памяти как совокупность воспоминаний, связанных с ними мыслей, образует рамку, которые будучи вневременными, сообщают устойчивость и обобщенность образам и конкретным воспоминаниям, из которых они состоят [2, с.336].

Французский историк Пьера Нора разработал метод реконструкции, который позволяет изучать «память» в контексте природы коллективной памяти [3]. Концепт «места памяти» Пьера Нора позволил, осмысливая вопросы коллективной памяти, различить историю и память как различные практики [3, с.20].

Вопрос о необходимости построения исследованиями новой взаимосвязи между прошлым и настоящим, о том, как воспоминания отражают культурный контекст самого вспоминающего был поставлен Алейдой Асман на основе анализа страниц трагической истории XX века [4]. Музеи как среда повествования, пространство, в которых публика «узнает» о прошлом, и то, как оно продолжает влиять на настоящее, исследуются Ханной Терстон в работе «Музейная этнография: исследование музеев наказаний как среды повествования» [5].

Музейные нарративы формируются из объектов, текста, изображений и звука, которые вместе создают историю. Кевин Уолби и Джастин Пише предложили рассматривать музеи как нарративную среду. Для нашего исследования важна идея авторов, о том, что музеи как создатели смысла, получают такой уровень авторитета, которого редко достигают другие культурные рассказчики [6]. Посетители могут воспринимать опыт как аутентичный, но музейный нарратив — это продукт процесса интерпретации и переговоров, это социально сконструированные истории.

Статья Розанны Кеннеди и Сюзанны Раддстон «Близкая память: исследование памяти в Австралии» подчеркивает маркировку социальной памяти в публичном пространстве, что актуально, поскольку государство отделяет события, являющиеся частью исторического нарратива, от забытых событий [7].

Актуальность идеи заключается в понятии памяти, связанном с понятием истории [7, с.243].

Концепт социального пространства П. Бурдьё направляет нас на исследование символической роли музеев как мемориальных комплексов, как части символического капитала поля политики: «Поле политики явным образом утверждает себя в качестве того, кто призван говорить что есть социальный мир» [8, с.126].

Исследования в области анализа памяти показывают, что на протяжении всей истории человечества сам факт события был мощным аттрактором. Как правило, фиксации в истории удостоивается события крупного масштаба или повлекшие серьезные последствия. Это то, что Джеффри Александер называет предельными историческими событиями, связывая их с понятием коллективной травмы [9].

Событие может быть квалифицировано обществом как травма вне зависимости от его изначальной значимости, события «не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества... Нас занимает только то, как и при каких условиях делаются эти заявления и к каким они приводят результатам... Статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям ... благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» [10, с.16-17].

Такие предельные события становятся ключевыми точками господствующего исторического нарратива, под влиянием которых «коллективная идентичность подвергается значительному пересмотру.

Коллективная травма переживается спустя время и через воспоминания, и ключевая роль в этом процессе принадлежит репрезентации. То, как именно помнится событие, тесно переплетено с тем, как именно оно представлено. Поэтому так важны средства и способы репрезентации, поскольку они стирают границу между отдельными людьми и ликвидируют разрыв между происшествием и воспоминанием о нем, создавая социальную основу

для возникновения культурной травмы [9]. Культурная травма задает членство в группе, которая объединена событием или опытом, укрепляя индивидуальную и коллективную идентичность.

Культурная память - важный феномен, который предоставляет группе когнитивную карту, помогающую человеку понять свою идентичность, местонахождение, традиции, ценности, свою цель.

Основная часть

Метод. В исследовании региональных музейных практик мы ориентировались на выявление инструментально-дискурсивных средств, способствовавших легитимизации советской индустриализации посредством музейных текстов.

Дискурсивный метод был широко разработан и переработан представителями философии постмодернизма (М. Фуко и другие), которые трактовали дискурс как реальную форму социального взаимодействия [11, 12]. Ценность музейных практик определяется их ролью социального ресурса для установления определенного интерпретационного опыта. Этот принцип обеспечивает перспективу социологического исследования музейного опыта в области изучения практики индустриализации. Эмпирический инструментарий исследования - визуальный анализ фотодокументов и путеводителей Карагандинского краеведческого музея и музея Карлаг, глубинное интервью с девятью музейными сотрудниками музеев.

Постановка проблемы. Концептуализация проблемы нашего исследования нарратива индустриализации в региональных музеях демонстрирует идеи М. Хвальбакса и П.Бурдьё о том, что любой исторический факт – это символ и смысл, элемент системы общественных идей, которые по сути память, и все ее содержание образовано коллективными воспоминаниями, а его актор – политический актор, обладающий властью, которая транслирует определенные «воспоминания» и ценности.

Как мы должны изучать музеи как нарративную среду советского индустриального дискурса? «Нарратив» исследователи идентифицируют в рамках дискурсов, чтобы процесс основывался на трех функциях нарратива: значении, структуре и интерактивном контексте.

Музеи в данном исследовании - источник данных институционального дискурса советской индустриализации - объектов, изображений, текстовых описаний, рассказов гидов, музейных путеводителей и пространственной среды. Институциональный дискурс изучаемых музеев мы рассматриваем как поля дискурсивных практик, которые властно определили обществу определенную оценочную и когнитивную базу музейных текстов относительно «индустриализации», установили нормативные режимы коммуникации для посетителей, обозначили и структурировали музейные объекты посредством отделения идеологической нормы от не нормы. Идеологическая мобилизация, осуществляемая институциональными дискурсами исследуемых музеев, производила принципы веры и доверия к определенным идеям и ценностям, которые становились символическим капиталом.

Коллективную память закрепляют множество институций. Институциями являются социальные учреждения, то есть здания, организации, иерархические и бюрократические структуры с оплачиваемым персоналом, которые в области культуры принимают решения долгосрочного плана. Институции реализуют ценности, нормы и программы, которые имеют долгосрочный характер. Институциями можно называть как формы, обеспечивающие долговременность, так и формы, обеспечивающие повторяемость. Примерами институций, обеспечивающих материальную долговременность, служат памятники, музеи, библиотеки, архивы, мемориалы и памятные места [4, с.260].

Результаты исследования и обсуждение.

Главный исследовательский вопрос в контексте нашего исследования: Каково содер-

жание «мест памяти» в контексте дискурса индустриализации в фокусе региональной практики мемориального музея?

Предметом исследования стали смыслы нарратива советской индустриализации, реализованные в институциональных дискурсах региональных музеев (Карагандинский краеведческий музей, Карлаг). В качестве объекта исследования были выбраны экспонаты музея Карагандинского краеведческого музея и Карлага как институционально-дискурсивные средства, репрезентовавшие сконструированный нарратив советской индустриализации в регионе страны в эти годы.

Данные, собранные в музеях, состоят из фотографий, текстов музейных путеводителей, записей интервью с сотрудниками музея, фото помещений. Визуальные измерения - выставки с объектами, документы как «визуальные» данные - были включены в нарративный анализ. Также анализу были подвергнуты текст путеводителей залов, в которых рассмотрены средства, с помощью которых формировались смыслы, придаваемые событиям советской индустриализации, основным его акторам и практикам.

Все аспекты музеев были определены в качестве аналитических единиц институционального дискурса музеев на предмет репрезентации ими нарратива советской индустриализации:

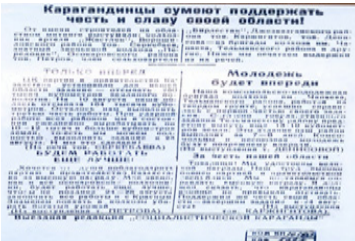
1. Представление о социальной миссии советской индустриализации в музейном нарративе фотодокументов;
2. Язык нарратива советской индустриализации, представленный в музейном нарративе фотодокументов;
3. Система ценностей относительно нарратива советской индустриализации;
4. Формализованные конструкты стереотипных практик в музейном нарративе фотодокументов.

Исследование эмпирических данных Карагандинского краеведческого музея и Карлага, которые репрезентировали индустриальное советское прошлое шахтерского города, произведено на основе вышеуказанных аналитических единиц и представлены в таблицах №1 и №2.

Первая таблица представляет конструку-стриализации в Карагандинском краеведче-цию музейного нарратива о советской инду-ском музее.

Таблица 1

Институциональный дискурс музея. Карагандинский краеведческий музей

Аналитические единицы	Визуальные данные – фотодокументы, стенды, экспозиции
1. Представление о социальной миссии советской индустриализации	 Рисунок 1. Акт о почетной грамоте (зал №12) Рисунок 2. Вырезка из газеты «Социологическая Караганда» (зал № 9) Рисунок 3. Почетная грамота работникам шахты (зал № 10)
2. Язык нарратива советской индустриализации	 Рисунок 4. Навалоотбойщики шахты (зал №13)

3. Система ценностей относительно нарратива советской индустриализации	 Рисунок 5. Макет «Карагандинскими шахтерами добыта миллиардная тонна угля» (зал № 13) Рисунок 6. Экспозиция «Шахтеры» (зал № 13)
4. Формализованные конструкты стереотипных практик в музейном нарративе фотодокументов	 Рисунок 7. Экспозиция Шахтеры (зал № 10)

Вторая таблица представляет конструкцию музейного нарратива о советской индустриализации в музее Карлаг в посёлке Долинка Карагандинской области Казахстана (<http://karlagmuseum.kz/ru/>).

В результате визуального анализа фотодокументов и путеводителей Карагандинского краеведческого музея и музея Карлаг, интервьюирования музейных сотрудников нами были выделены транслируемые в экспозициях основные акторы региональной советской индустриализации в Казахстане:

1. Сами шахты – их макеты на стендах;
2. Города как места индустриализации – Караганда;
3. Рабочие - шахтеры в процессе работы;
4. Премированные за производительность труда шахтеры;

5. Государственные акты о премировании и т.д.;

6. Рабочие инструменты – каски, ящики, угольный комбайн и др.

При анализе структуры нормативной модели типично-событийной и статусно-ролевой коммуникации в музейном нарративе советской индустриализации были выявлены такие структурные единицы. как:

- 1) советская индустриализация в регионе как типичное событие относительно индустриализации в дискурсе регионального краеведческого музея;
- 2) работники шахт и заводов как типичные участники советской индустриализации и политическая власть как агент, сформировавший идеологический нарратив советской индустриализации;

Таблица 2

Институциональный дискурс музея, № 2 Карлаг

1. Представление о социальной миссии советской индустриализации

Рисунок 9. Стена с изображением И.В. Сталина, «Эркер», вышка военной охраны (зал №2)

Рисунок 10. Макет поезда. Народы 30-50-х годов, переселение (Зал № 27)

Рисунок 11. Голодающие дети (зал № 4)

Рисунок 12. Промышленность Карлага в годы Великой Отечественной войны (зал №28)

2. Язык нарратива советской индустриализации

Рисунок 13. Культурно-общественные работы в Карлаге (зал №23)

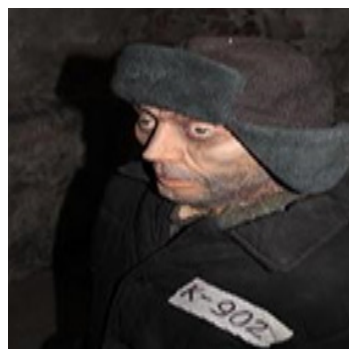

Рисунок 14. Карцер (зал №10)

Рисунок 15. Библиотека Карлага, книга И.Сталина (Зал № 25)

3. Система ценностей относительно нарратива советской индустриализации

Рисунок 16. Фигура заключенного, приговоренного к смертной казни (зал № 18)

	 Рисунок 17. Экспозиция «Қираған шаңырақ» (сломанный Шанырақ), зал. № 1, холл)
4.Формализованные конструкты стереотипных практик	 Рисунок 18. Дело узника Карлага Мягкого Ивана и учетно-регистрационная карточка Буртана Сергея Мироновича (холл) Рисунок 19. Женская камера (зал № 17) Рисунок 20. Комната фотосъемки и дактилоскопии, фотографии узников (зал № 15)

3) доминирующий статус политической системы, задававшей символические конструкты и интерпретации индустриализации и подчиненный статус работников, осуществлявших советскую индустриализацию в ре-

гионе как типичных участников индустриализации;

4) контент нарратива музейных экспозиций, охватывающих хронологически 20-80-е годы, которые отражают идеологический нар-

ратив советской индустриализации в мажорном тоне с демонстрацией успехов советской индустриализации, и дополнены нарративом посюветской эпохи, который показывает обратную сторону события – голод, репрессии и принудительный труд.

В качестве форм передачи информации об индустриализации посетителям в исследуемых музеях демонстрируются экспозиции со стендами, посвященными транслируемым дискурсам индустриализации, тексты к стендам, путеводители по залам как нарративные тексты об индустриализации. Экспонаты исследуемых музеев отражают институциональный дискурс советских музеев, чья функция – нарратив, репрезентирующий идеологические установки власти, раскрывая их «классовое содержание».

Визуальные средства, которые отражают в региональном краеведческом музее хронику советской индустриализации, как следует из ответов музейных сотрудников, это:

- «в первую очередь, какими инструментом пользовались, где делали...»;
- «фотографии и объемные экспозиции»;
- «есть экспозиции, личные вещи рабочих, первый макет паровоза, первые эскизы минералов и т.д.»;
- «мы показываем, как развиваются шахты и конкретные объекты труда»;
- «развитие нашего города, вокруг шахт»;
- уголь, шахта, сурок, индустриализация, шахтеры-стахановцы».
- «в нашем музее эта тема подается копиями архивных документов, фотографиями, художественным панно «Конфискация байского хозяйства».

Таким образом, фотодокументы в качестве нормативной модели типично-событийной (советской индустриализации) и статусно-ролевой коммуникации демонстрируют:

- 1) типичных акторов индустриализации - шахтеров за работой – рабочих шахты. Значительное количество экспозиций краеведческого музея посвящено шахтерам как основным акторам советской индустриализации в регионе;

- 2) процесс труда рабочего;
- 3) места производства и орудия труда – сами шахты.

Отвечая на главный вопрос нашего исследования, мы полагаем, что содержание «мест памяти» в контексте дискурса индустриализации в фокусе региональной практики мемориального музея» определялось и определяется большей частью политическим актором.

Идеологическая повестка индустриализации была задана властью в поле политики, и институциональный нарративам советских музеев отражает средства легитимации «советских идей и ценностей», символического капитала власти, о чем свидетельствуют фрагменты текста газет, повествующих о награждении рабочих:

- «ЦК партии и правительство Казахстана установило для нашей области задание – отсыпать 250 тысяч кубометров земляного полотна... При ударной работе всех районов мы в состоянии ежедневно вырабатывать по 10-12 тысяч и больше кубометров земли, то есть мы можем полностью выполнить задание к 23 августа. И мы это сделаем!»;

- «Хочется от всей души поблагодарить партию и правительство Казахстана за высокую награду. Мое звено...будет работать еще лучше, чтоб не позднее 24-25 августа закончить все работы и с Красным Знаменем поехать в колхозы убирать богатый урожай»;

- «Товарищи! Мы удостоены великой награды. Наш труд высоко оценен партией и правительством республики... Поддержим честование своей области – завершим задание к 24 августа» (рисунок №1).

Данные тексты отражают факт того, что актором, дающим рабочим задание по промышленному производству, является политический актор – партия и правительство, которые задают конкретные объемы работ рабочим и вознаграждает за труд символически - почетными грамотами и медалями, которые представлены как великая награда. Документ, который стал инструментом повествования хроники индустриализации – это газета «Социалистическая Караганда».

Нарратив индустриализации, смыслы и цели были заданы политическим актором - господствующим политическим аппаратом в государстве, который использовал риторику «соревновательности» как аналог рыночной конкуренции за обеспечение производительности труда со стороны рабочих, в обязанность которых входила публичная демонстрация реализации поставленных целей и задач партии и правительства. Язык индустриализации, который принято было использовать в рассказах об индустриализации в институциональном дискурсе музеев, был мажорный – на лицах рабочих демонстрируются радостные улыбки. Текст фотодокументов иллюстрируют методы, посредством которых пытались мотивировать рабочих на высокую производительность труда: «Передовики производства ломали старые технические нормы выработки и внедряли новые, более высокие. Как только стало известно о рекорде забойщика-новатора Донбасса А.Г. Стаханова, партийные организации стали широко пропагандировать его опыт. В 1935 году бригада под руководством Тусупа Кузембаева установила республиканский рекорд добычи угля за смену, добыв 820 вагонеток угля вместо 11 по норме» (Рис.1).

Фактически же репрессивными мерами для реализации целей индустриализации проводилась принудительная массовая коллективизация местного населения, в результате которого искусственно была создана ситуация голода и массовой гибели крестьянства.

С целью выявления динамики советского нарратива относительно советской индустриализации было проведено интервьюирование 9-ти музейных сотрудников (18-24.02.2022).

Фотодокументы путеводителей по залам музеев Карлага показывают обратную сторону мажорной индустриализации:

- В лагерях люди работали бесплатно, недостаточно ели. Кормили тогда по-особому. Каждый имел право на 800 граммов хлеба. В лагере никто не голодал... но было сложно. За работу не платили никаких денег (музейный сотрудник, 42 года, трудовой стаж - 11 лет и 5 месяцев.)

- Труд заключённых использовался везде, поэтому Центральный Казахстан поднялся быстро. Нигде так не использовали труд детей, как в Советском союзе. Детей репрессированных НКВД-шники отправляли в сортировочный пункт в п.Майкудук, по истечении 2 недель распределяли. Детей 14-16 лет обучали навыкам заводских рабочих, они должны были восполнить рабочую силу, их так воспитывали. Потому что работники часто умирали» (музейный сотрудник, 37 лет, 15 лет стажа работы).

Экспозиции музея Карлаг, посвященные жертвам политических репрессий, иллюстрируют в фотодокументах обратную сторону успехов индустриализации – голод, принудительное переселение народов, репрессивный режим, принудительный труд.

На вопрос «Как транслировался советский нарратив?» музейные сотрудники отвечали следующим образом:

- Лозунги в то время, как мы знаем: «Какой-то там съезд КПСС и Земли-крестьянам, фабрики - рабочим и т.д» Мы должны признать, что идеология тогда была на первом месте и она работала. Например, я себя помню октябрёнком и я свято верил, что Советская власть нерушима и товарищ Ленин, который его создал, он - великий... но идеология хорошо работала из садика в школу, из школы во взрослую жизнь, то есть все это было многоступенчатым: октябренок, пионер промывка мозгов была колоссальной, и люди в это свято верили, и в музее тоже идеология была на 1 месте (музейный сотрудник, возраст 39 лет, стаж работы - 18 лет).

- Для Казахстана трудный период, когда он из должен был превратиться из аграрного в промышленный регион, т.е. сырьевой придаток новой империи (музейный сотрудник, 42 года. стаж - 7 лет).

- Агитация и призыв простых людей в заводы и фабрики, идеализация и возвышение пролетариата. Обещание обеспечить всех работой и условиями, что, как мы помним, не сдержали (музейный сотрудник, возраст 29 лет, стаж работы).

- Идеологически: призыв к труду за энтузиазм (музейный сотрудник, 42 года, стаж - 7 лет).

- В советское время все вещи основывались на идеологии. В том числе и музей. Ответственные

за идеологию в советских обкомах контролировали и санкционировали экскурсии. А сейчас полная свобода, и никому не нужно (музейный сотрудник, 42 года, стаж - 7 лет).

Выводы

Результаты нашего исследования региональных музейных нарративов советской индустриализации показали следующее:

1) Память об советской индустриализации, отраженная в мемориальной памяти казахстанских региональных музеев в хронологических рамках 20-80-х годов XX века, сконструирована советским политическим дискурсом, однако альтернативная история события донесена локальными дискурсами жертв политических репрессий, которые и представлена в музее Карлаг.

2) Идеологический контент об индустриализации, транслируемый в музеях, был призван легитимизировать, как свидетельствуют фотодокументы, советскую индустриализацию, и фактически создавал подбавляющие властному актору рамки коллективных воспоминаний о рамочных событиях и динамике советской индустриализации, обеспечивал закрепление в коллективной памяти транслируемых как идеологически верных социалистических рамок трудовых и личных взаимоотношений, оптимистичных картинок счастливой жизни советского народа, идущего «ленинским путем», советских ритуалов и представлений о трудовых практиках, маркируя и контролируя поведение людей (тот же коллективизм).

Система ценностей, транслируемая в фотодокументах экспозиций, экскурсовок (тексты экскурсий по залам) – это трансляция идеологических ценностей коммунистического труда - призыв к высоким достижениям в труде за энтузиазм, на основе колоссальной обработки сознания советских граждан визуальными и текстовым контентом музейных сообщений.

К формализованным конструктам стереотипных музейных практик, отражающих советскую индустриализацию в регионе относятся: визуальные, речевые и письменные формы передачи музейных сообщений - это

а) стенды и музейные экспозиции с фотодокументами, посвященными акторам индустриализации – шахтерам, местам индустриализации – шахты, край и т.д., памятным индустриальным датам – отливке первого чугуна и т.д.; б) экскурсовки – тексты музейных гидов; в) административные правила посещения музеев, хранения и обработки музейных реквизитов.

Музеи в эпоху советской индустриализации были государственными учреждениями, предлагавшими сконструированные властным актором «воспоминания» о коллективном прошлом. Ценность музейных практик определялась их ролью социального ресурса для установления определенного интерпретационного опыта. Этот принцип обеспечивает перспективу социологического исследования музейного опыта в области изучения практики индустриализации.

Институциональный дискурс изучаемых музеев мы рассматриваем как поля дискурсивных практик, которые властно определили обществу определенную оценочную и когнитивную базу музейных текстов относительно «индустриализации», установили нормативные режимы коммуникации для посетителей, обозначали и структурировали музейные объекты посредством отделения идеологической нормы от не нормы.

Идеологическая мобилизация, осуществляемая институциональными дискурсами изучаемых музеев, производила принципы веры и доверия к определенным идеям и ценностям, которые становились символическим капиталом.

3) Музейные практики – один из инструментов советской индустриализации, советское государство и его агенты – музейные работники, использовали материальные и концептуальные ресурсы, процедуры производства и воспроизводства, социальные каналы распространения и механизмы превращения дискурса советской индустриализации в традицию посредством формирования «мест памяти» в музейной практике для институционализации конструируемых советских идеологических смыслов.

4) Мемориальная память, отраженная в музейной практике региональных казахстанских музеев хронологического отрезка 20-80-х годов, транслирует не историю, а является «чьей-то» памятью, а именно, памятью политического актора и обусловлена его опытом политического противостояния и интересами доминирующей в политическом поле социальной группы.

5) Индустриализация как исторический факт – это смыслы и символы, заданные советским политическим дискурсом, образовавшие рамки коллективной памяти советской индустриальной эпохи посредством музеев как «мест памяти».

Рамки памяти - внешние формы, социальные конструкции, направленные на конструирование пространства и времени, работу общества по формированию коллективной памяти. Соответственно, индустриализация в нашей трактовке есть социально-исторический факт, социально сакционированный советским политическим дискурсом, конструировавший определенные рамки исторического пространства и времени эпохи индустриализации. Вербальные рамки социальной памяти об индустриализации определяются коммуникационными практиками акторов коллективной памяти советской индустриальной эпохи.

Рамки социальной памяти относительно советской индустриализации санкционировали социально одобряемые советским политическим дискурсом «воспоминания» и подвергали коллективной амнезии факты, также отражающие динамику индустриализации, но не вписавшие в логику ее положительных коннотаций. Музейные практики региональных казахстанских музеев, расположенные в местах казахстанской индустриализации, отражают разделенность фрагментированного пространства социального опыта на дискурс

политической доминировавшей властной системы и дискурс социальных акторов – жертв политических репрессий.

Заключение

Региональные казахстанские музеи, расположенные в местах советской индустриализации – это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью артефактов волю сообщества, глубоко вовлеченного в процесс трансформации, сообщества, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого, сообщества, проповедовавшего дискурс модерна – «светлого прогрессивного» будущего, легитимизируя таким образом свои индустриальные практики.

В результате анализа музейных документов на основе дискурсивной исследовательской стратегии и проведенного визуального анализа музейных экспонатов, демонстрирующих нарратив советской индустриализации, концептуализации идеи «коллективной памяти» М. Хальбвакса, «мест памяти» П. Нора как конструкторов, формирующих актуальные маркеры коллективной идентичности, концепции социального пространства П. Бурдьё как поля борьбы за символический капитал выявлена ориентированность музейных нарративов преимущественно на конструирование подходящих идеологических воспоминаний о событиях «советской индустриализации» и маркирование их в коллективной памяти, на создание символического ресурса системы посредством музейных выставок с демонстрацией «социалистических» форм трудовых и личных взаимоотношений, оптимистичных картинок «счастливой жизни советского народа, идущего ленинским путем», формирование «советских ритуалов и представлений о трудовых практиках.

Список литературы

1. S. Kotkin, W. Richardson. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. - History: Reviews of New Books, 1995 - Volume 24, 1995 - Issue 1 - Pages 37-38.

2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007.
3. Пьер Нора. Проблематика мест памяти. / Франция-память. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
5. Thurston Hannah. Museum ethnography: Researching punishment museums as environments of narrativity. // Methodological Innovations, 2017, Vol. 10 (1). - 1-12 pp.
6. Kevin Walby, Justin Piché. Reflections on Visual Methods from a Study of Manitoulin Island's Penal History Museums // Annual Review of Interdisciplinary Justice Research, 2016 – No 5 – 264-290 p.
7. Rosanne Kennedy, Susannah Radstone. Memory up close: Memory studies in Australia. // Memory Studies – 2013 – Vol. 6. Is. 3, 237-244 p.
8. Бурдье П. О телевидении и журналистике. Пер. с французского: Т. А. Анисимова, Ю. В. Маркова, Н. А. Шматко. — М., Институт экспериментальной социологии, 2002.
9. Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001).
10. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. - 2012. - № 3. - С. 5-40.
11. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж-де-Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года. / Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996.
12. Тичер С., Мейер М, Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009.

References

1. S. Kotkin, W. Richardson. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. - History: Reviews of New Books, 1995 - Volume 24, 1995 - Issue 1 - Pages 37-38.
2. Halbvaks M. Social'nye ramki pamjati [Social framework of memory] Translated from French by S.N. Zenkin (New publishing house, Moscow, 2007).
3. Nora P., Ozouf M., de Puymezh J., Vinok M. Problematika mest pamjati. / Francija-pamjat' [Problems of places of memory, France-memory] (Publishing House of SPSU, Moscow, 1999).
4. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German B. Khlebnikov (New Literary Review, 2014. - 328 p.
5. Thurston Hannah. Museum ethnography: Researching punishment museums as environments of narrativity. // Methodological Innovations, 2017, Vol. 10 (1). - 1-12pp.
6. Kevin Walby and Justin Piché. Reflections on Visual Methods from a Study of Manitoulin Island's Penal History Museums, Annual Review of Interdisciplinary Justice Research, 5, 264-290 (2016).
7. Rosanne Kennedy, Susannah Radstone. Memory up close: Memory studies in Australia, Memory Studies, 3 (6), 237-244 (2013).
8. Bourdieu P. On television and journalism. Transl. from French: T. A. Anisimova, Yu. V. Markova, N. A. Shmatko (Institute of Experimental Sociology, Moscow, 2002).
9. Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity (Berkeley, Los Angeles; London, University of California Press, 2001).
10. Alexander D. Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost' [Cultural trauma and collective identity], Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal], 3, 5-40 (2012).
11. Foucault M. Porjadok diskursa. Inauguracionnaja lekcija v Kollezh-de-Frans, pročitannaja 2 dekabrja 1970 goda [Order of discourse. Inaugural Lecture at the Collège-de-France delivered on December 2, 1970], Foucault M. Volja k istine: po tu storonu vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [Will to Truth: Beyond Power and Sexuality. Works of different years]. Transl. from French (Castal, Moscow, 1996).
12. Ticher, M. Meyer, R. Wodak, E. Vetter. Metody analiza teksta i diskursa [Methods of text and discourse analysis] (Humanitarian Center, Kharkov, 2009, 356 p.).

Абетова З.Т., Жумаканова Ф.Д.

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

**Саяси дискурстарды құрастыру контексіндегі кеңестік индустрияландыруды нарративы:
музей коммеморациясы (Қарағанды өлкелік және Карлаг музейлері кейсі)**

Аңдатпа. Мақала кеңестік индустрияландырудың артикуляциялық ортасы ретінде кеңестік индустриалды Қазақстанның аймақтық музейлерін зерттеу нәтижесін ұсынады.

Жұмыстың ғылыми және қолданбалы маңыздылығы – «өткенді еске түсіру» құрылысында саяси және моральдық институттар ретінде үлес қосқан музей нарративтерінде идеологиялық дискурстарды зерттеу мәселелерін қарастыратын құралдарды құру, саяси дискурстарды құру процесінің субъективті аспектісін талдау. Бұл мақалада кеңестік индустрияландырудың «мағыналарын» артикуляциялау арқылы институционалдық кеңестік саяси дискурсты концептуализациялау тәжірибесі, Қазақстанның аймақтық музейлерінде мемориалдық жадта көрсетілген.

Бұл зерттеу есте сақтау және постколониальды парадигманы зерттеудің өсіп келе жатқан саласындағы мамандар үшін қызықты болуы мүмкін.

Түйін сөздер: кеңестік индустрияландыру, институционалдық дискурс, ұжымдық жад, музей коммеморациясы.

Z.T. Abetova, F.D. Zhumakanova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

**The narrative of Soviet Industrialization in the context for the construction of political discourses:
museum commemoration (cases of the Karaganda museum of heritage and Karlag)**

Abstract. The article presents the results of a study of regional museums of Soviet industrial Kazakhstan as a medium for the articulation of the Soviet industrialization narrative.

The scientific and applied significance of the work lies in the creation of a toolkit that considers the issues of studying ideological discourses in the context of their representation in museum narratives that have contributed both political and moral institutions to the construction of “memories of the past”, analysis of the subjective aspect of the process of constructing political discourses.

The article highlights the experience of conceptualizing the institutional Soviet political discourse through the articulation of the «meanings» of Soviet industrialization, broadcast in memorial memory in Kazakhstani regional museums. The study may be of interest to specialists in the growing field of memory research and the postcolonial paradigm.

Keywords: Soviet industrialization, institutional discourse, collective memory, museum commemoration.

Сведения об авторах:

Абетова З.Т. – кандидат философских наук (социальная философия), и.о. доцента кафедры социологии, Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, ул.Янушкевича, 6, Нур-Султан, Казахстан.

Жумаканова Ф.Д. – автор для корреспонденции, магистр гуманитарных наук по специальности «История», докторант кафедры социологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул.Янушкевича, 6, Нур-Султан, Казахстан.

Abetova Z.T. – Candidate of Philosophical Sciences, (Social Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 6 Yanushkevich str., Nur-Sultan, Kazakhstan.

Zhumakanova F.D. – **Corresponding author**, Ph.D. student, Master's degree in History, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 6 Yanushkevich str., Nur-Sultan, Kazakhstan.